УДК 340.15:347.9

Шатковская Т. В.

ФЕНОМЕН ТРАДИЦИОННОГО ПРАВОСУДИЯ В РОССИИ: ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье раскрываются характер, особенности юрисдикции и значение традиционных видов судебного разбирательства в российской деревне, выясняются правовые основы функционирования общинных судов. На основе обширного фактического материала обоснована необходимость существования органов правосудия общественного характера с минимальным количеством формальностей и процедур, основанных на знании судьей местных традиций и обычаев, условий жизнедеятельности.

The article reveals the characteristics, special features of jurisdiction and the significance of the traditional types of trials in a Russian village . The article also describes the law basis of communal courts. On the basis of the vast factual analysis we justify the necessity of the existence of law bodies of public character with minimal formalities and procedures. These law bodies are based on the judges' knowledge of local traditions and customs, life conditions and standards.

Ключевые слова: *Традиционный суд, российские крестьяне, обычное право, общинные суды.*

Keywords: *Traditional court, Russian peasantry, common law, communal courts.*

Правовые представления – это бессознательные образы, которые переносятся на реальный опыт, определяя способ действия индивидов, что наиболее отчетливо проявляется в ходе судебных разбирательств. Дореволюционная российская система правосудия отличалась существованием полулегальных судебных расправ. В крестьянской среде – это традиционные общинные суды. Такие непрофессиональные разбирательства в рамках «мирского» самоуправления опирались на нормы обычного права и поддерживались авторитетом общественного мнения и карательными средствами общины. Живучесть, популярность, эффективность традиционных расправ обеспечивалась их синкретичностью с крестьянским образом жизни, системой духовных ценностей и представлениями о справедливом характере суда.

Анализ системы традиционного правосудия необходимо предварить несколькими замечаниями, объясняющими способ подачи, изложения и анализа последующего материала. Антитетичность точек зрения, высказываемых в дискуссии о состоянии общественных судов, обусловлена стремлением ряда исследователей проецировать на экран прошлого собственные чувства, идеи и предрассудки, формировать образы в соответствии со сложившимися юридическими схемами. Миропонимание людей формируется их образом жизни, подчиняется определенным системам духовных ценностей и воплощено в разнообразных формах соционормативной культуры. Последняя генерирует стандарты поведения и его мотивацию, помогая интегрировать человека в социум. Поэтому при изучении феномена правосудия полезно абстрагироваться от устоявшихся логических схем и сосредоточиться на традиционных представлениях населения о справедливом характере суда в рамках конкретной культуры.

По народным представлениям, верховная власть судить и наказывать принадлежала Богу [1]. Крестьяне полагали, что преступник ни при каких обстоятельствах не уйдет от божьего возмездия («Бог видит, кто кого обидит»; «Не боюсь я суда людского, а боюсь Божьего»; «Перед судом возрешь, а перед Богом нет»). Любое несчастье, случившееся с человеком «нечистым на руку», расценивалось народной молвой как расплата за совершенное им злодеяние. Повсюду бытовали рассказы о болезни, смерти детей, неурожае, падеже скота, постигших преступника, оставшегося не наказанным по человеческому суду [2]. Нередко, когда крестьянское правосудие исчерпывало средства для раскрытия преступления, прибегали к ордалиям – сомнительное дело отдавалось на суд Божий. Такие действия базировались на крестьянском убеждении о недосягаемости глубин человеческой души для

земного правосудия, в отличие от «ока небесного» – проницающего, обличающего и наказывающего. Крестьяне говорили: «Бог попутает»; «Виноватого Бог сыщет» [3, с. 177].

«Суд божий» допускался в делах между родными или соседями. Подозреваемый обязан снять икону со стены и, держа ее пред собой, говорить: «Порази меня, царь небесный, если я этому делу виновен!». Присутствовавшие следили «за изменением его физиономии, за трясением рук и проч. По этим признакам делалось заключение о виновности или невиновности заподозренного, но только про себя, потому что после клятвы открыто заподозренный не обвиняется» [4, с. 39–40].

Отношение к человеческому суду в народе было скорее негативным («Маленький судок – без соли годок, большой судок – без хлеба годок»; «Просудишь полтину, а высудишь кулак в спину») [5]. С точки зрения Ф. Буслаева, это объяснялось недосягаемостью для простого человека идеалов правды и нравственной чистоты, лежавших в основании суда [6, с. 109].

Крестьяне отделяли, а нередко и противопоставляли приговоры суда и справедливость («Где суд – там и неправда»; «Правда суда не боится»). Участие в судебных разбирательствах в качестве обвиняемого, истца или свидетеля считалось крайне нежелательным. Чтобы придать своей репутации положительную окраску, говорили: «Я, слава Богу, на судах-то отродясь еще не бывал, даже в свидетелях» [7]. По народным представлениям, тот человек счастлив, который «не знается с докторами, аптекарями, да с судами». Поэтому крестьяне предпочитали решать дело миром, получив денежную компенсацию за причиненный ущерб.

В народе разделяли суды государственные и крестьянские. К последним относили все виды общинных разбирательств и волостной суд. Называя свой суд «лапотным», но близким по духу, крестьяне предпочитали его официальному [8]. Согласно народным убеждениям, в основании общинного правосудия лежали исконные представления о правде и справедливости, а в государственных судах «власть разрешения дел принадлежит закону», где роль судей состояла лишь в выяснении обстоятельств дел – «посмотреть в закон, там и решение есть» [9, с. 9]. Крестьянами руководило убеждение, что чиновникам до внутримирских тяжеб и распрей дела нет, «а в том состоит» единственно их, «народская», нужда. К государственным судам относились почтительно, поскольку там «судят господа, назначенные Царем-батюшкой, у них не значки приколоты к груди, а золотые цепи на шее», «такого ... водочкой не угостишь, чайком не попотчуешь». Однако крестьяне были убеждены, что и в государственных судах, как и в крестьянских, берут взятки, различались лишь размеры вознаграждения [10]. Эффективным способом воздействия на судей считалось обращение к сверхъестественным силам. Для удачного исхода дела необходимо было поститься в пятницу перед днем святого Косьмы и Дамиана, принести на разбирательство плеву новорожденного ребенка, помолиться всей семьей перед иконой Николая Чудотворца и др.

До введения Общего положения о крестьянах от 19 февраля 1861 г. российское сельское население формально не имело общего сословного суда. Разрешение большинства конфликтных ситуаций в деревне осуществлялось посредством традиционных общинных судов. Члены комиссии по преобразованию волостных судов пришли к выводу, что «начало обычая крестьян судиться … домашним судом так же старо, как стар сам русский народ» [11, с. 32]. Коллективное разбирательство дел при участии всех членов общины «русский народ считал лучшей формой самоуправления и самосуда» [12, с. 12]. Народные суды существовали исстари без каких-либо указаний закона [13, с. 379].

Выделим следующие основные формы общинных судов: суд сельского схода, суд стариков, семейный суд, суд соседей, суд старосты, самосуды, суд волостного схода, третейский суд. Формально крестьянские суды не находились в инстанционной зависимости. Однако определенная иерархия, взаимосвязь и взаимодействие между ними наблюдается. К примеру, в Спасо-Городской волости Тамбовской губернии крестьяне прежде всего обращались к сельскому старосте, который созывал стариков и обсуждал дело «для мира». «Коли мир состоится, то и делу конец, а коли нет – разбираются у волостного старшины, и только в случае, если у него не помирятся, он передает дело в волостной суд». Один из сельских старост Рыбинской волости Тамбовской губернии заявил: «Когда сил моих не хватает (чтобы помирить тяжущихся), то пересылаю старшине и судьям» [14, с. 15-18].

Сельский сход являлся распорядительным органом крестьянского самоуправления и представ-

лял собой собрание для рассмотрения и обсуждения различных дел, касавшихся общества. Как полагал А. Леонтьев, его влияние на жизнь общины наглядно демонстрировало авторитет общественной власти в деревне [15, с. 86]. По мнению Ф. Преображенского, можно провести аналогию между сельским сходом и думой или земским собранием [16, с. 5]. Сходы подразделялись на селенные, состоявшие из жителей одного селения (крестьяне называли их деревенскими или мирскими); сельские – они созывались по делам сельского общества (официальная административная единица, в которую входило одно или несколько селений), и волостные, состоявшие из избранных от каждых десяти дворов домохозяев волости, всех сельских старост и волостных судей [17]. На практике рассмотрение и обсуждение различных общественных дел чаще всего происходило на селенных сходах.

Согласно обычаям селенный сход мог собрать любой домохозяин общины. Со второй половины XIX в. право созывать мирскую сходку предоставлялось только сельскому старосте или старшине [18]. По составу сход бывал полный, когда присутствовали все домохозяева общины, или малый – с участием наиболее уважаемых членов общества [19]. Правом голоса на сходе обладали все домохозяева общины [20]. Женщины допускались в исключительных случаях. Председательствовал на сходе староста, в его отсутствие – старший из домохозяев. Сходка собиралась в воскресный или праздничный день, зимой – в сборной избе или в доме сельского старосты, а летом на открытом воздухе [21, с .32].

Сельские сходы рассматривали обширный спектр дел как административного, так и судебного характера. Для разрешения последних могли собираться специальные судебные сходки – «суд мира», где рассматривались дела о семейных разделах, о земельных спорах, о разделе наследства, о личных обидах, споры о потраве лугов и полей, дела о краже, об обмане, о драках, о нарушении общественного порядка, о семейных конфликтах и пр. [22]. В чрезвычайных ситуациях, например, при нанесении крупного материального ущерба обществу, отравлении колодца, попытке поджога, оперативно собирался большой суд общины. Такие дела расследовались быстро, поскольку в этом была заинтересована большая часть мира. Исследователь крестьянских судов Саратовской губернии В. Птицын привел пример экстренного реагирования Ершанского общества на случаи «огромного развития конокрадства». Пойманных преступников тут же приводили на сельский сход, где им назначали 200 ударов розог. Приговор приводили в исполнение немедленно [23, с. 30].

Случалось, что подсудимых доставляли на суд сельского схода силой. Крестьяне не считали такое отношение к ним «мира» самоуправством либо насилием и жалоб в таких случаях не бывало. Обычаями допускалось отцу представлять на суде сына, мужу – жену, старшему брату – младшего, домохозяину – любого из членов семьи, но обязательно «живших одним хозяйством» [24]. Решения схода исполнялись самими крестьянами. Если обстоятельства дела не позволяли привести приговор «мира» в исполнение немедленно, то впоследствии это делал сельский староста. Иногда сельский сход ограничивался мерами воспитательного воздействия.

Суд сельского схода играл двоякую роль в правовом быту крестьян. С одной стороны, это был законом установленный суд для рассмотрения дел о семейных разделах, земельных спорах и разделе наследства [25], с другой – неофициальная высшая судебная инстанция. Вместе с тем он выступал и как апелляционный орган. Крестьяне свидетельствовали, что на суд схода тяжущиеся приходили, побывав предварительно на суде старосты, суде стариков или другом общинном суде. Приговоры сходов длительное время считались окончательными и не подлежали пересмотру. Только в конце XIX в. законодатели нарушили принцип самостоятельности сельского схода, допустив вмешательство в его деятельность ряда должностных лиц [26, с. 125-133]. Суд схода имел главным образом примирительный характер и допускал последующее обращение к волостному суду. Иногда сход выносил окончательные решения, не подчиниться которым было нельзя. На приговоры сельского схода жаловались редко.

Волостные сходы, по отзывам крестьян, судебными делами не занимались. Лишь в некоторых волостях Владимирской, Самарской и Саратовской губерний встречаются исключения. Крестьяне не без оснований уверяли, что волостной сход разбирал дела хуже, чем волостной суд. Обсуждение на сходе сопровождалось «страшным беспорядком, шумом и галдением» [27].

Древнейшей формой традиционных судов был суд стариков. Всякий раз собирать «мир» было

сложно, поэтому сход передавал функции правосудия доверенным лицам. В давние времена это были «излюбленные» судьи, в пореформенной деревне – старики [28, с. 27]. Они составляли легко созываемую малую сходку или совет старосты. Избирали туда 3–4 человека из наиболее опытных и уважаемых людей в деревне. Некоторые из стариков отличались такой прозорливостью и умением разрешать жизненные вопросы, что становились «законодателями» общества, а иногда и целого околодка. Односельчане обращались к такому старику как единоличному судье, пользующемуся громадным нравственным авторитетом. Общественными судьями избирались люди после сорока пяти лет [29], поскольку суд стариков – это разрешение дела людьми, готовящимися дать ответ за свои дела перед Богом.

Судебное разбирательство посредством «старичков» имело разнообразные формы. Старики могли судить самостоятельно или вместе со старостой, тогда слушание дела носило предварительный характер, его основной задачей – было склонить тяжущихся к примирению. К суду стариков обращались для посредничества в семейных разделах или земельных дележах, при совершении краж, для разбора драк, обид и других споров. Плата судьям не полагалась, но почетом они пользовались. Порядок рассмотрения дел был следующий. Сначала разбирались, в чем заключалась сущность конфликта, затем начинали мирить тяжущихся. Старики убеждали виновного поставить выпивку и не упрямиться. Если требовали много выпивки - виновный просил: «Сбавьте, старички, хоть сколько-нибудь». Чаще всего мирились на 1/4 ведра водки, самое большее – на 1/2 ведра. Затем писарь составлял мировую о том, что такие-то в присутствии старосты в становой избе помирились и обязаны друг на друга суду не жаловаться. Староста свидетельствовал документ подписью. Вино распивалось участниками примирения [30].

В присутствии сельского схода суд стариков удостоверял различного рода сделки, договоры, завещания. Сельский сход при суде стариков придавал последнему публичный характер. Кривить душой, клеветать, сообщать неверные факты на глазах у односельчан было практически невозможно. Участие схода обеспечивало стариков необходимыми сведениями и показаниями участвующих в деле лиц и свидетелей. Сход увековечивал приговор суда стариков. Кроме того, подобное мероприятие обладало воспитательным, образовательным и предупредительным значением. Суд стариков был лучшим хранителем народных обычаев и традиций; на всякое подлежащее их рассмотрению дело у них имелось на памяти общее правило. Старики знали и категории исключений, позволявшие в случае жизненной необходимости отступать от общепризнанных правил. Например, в исключительных обстоятельствах одобрить супружескую «расходку» или назначить домохозяином женщину.

Суд стариков был распространен повсеместно. По подсчетам К. Чепурного, из 82 российских волостей только в 3 его не было [31, с. 2]. Во многих местностях Калужской губернии, как отмечал А. Пестржецкий, к суду стариков прибегали не только крестьяне, но и мещане, купцы и помещики [32, с. 26]. Разбирательство, подобное суду стариков, С. Пономарев встречал у перекрещенцев (разновидность старообрядчества) [33, с. 62]. В других местах они встречались как суды «добросовестных» или опекунов.

Одной из элементарных форм общинных судов являлся суд сельского старосты. Крестьяне часто обращались к старосте, чтобы он «урезонил и примирил их» [34]. Однако и здесь была специфика. Профессор К. Малышев утверждал, что «обращение к старосте и старшине основывается не столько на обычае, сколько на законе, потому что закон предоставлял этим лицам ... право суда и наказания за маловажные проступки» [35, с. 81]. Профессор С. Пахман, напротив, называл суд старосты лишь «первой неофициальной инстанцией народного суда» [13, с. 381]. Обыкновенно сельские старосты разбирали и решали маловажные дела: брань, драки, побои и пр. Единоличный суд сельского старосты встречался редко. В основном он призывал для разрешения дела стариков или «добросовестных» – домохозяев, избранных от каждых 10 дворов. В отдельных случаях староста приглашал волостных судей или крестьян. При этом в роли председателя выступал староста. Суд крестьянских начальников основывался не только на обычном праве или законе, но и на произволе самих судей и оказывавших на них сильное давление сельских богатеев, поскольку мирской контроль за таким судом не мог быть достаточно эффективным. Не случайно этот

суд фигурирует в крестьянских высказываниях под именем Шемякина. Нередко честный, но безграмотный староста оказывался жертвой происков местного писаря, который за взятку мог пойти на любой подлог [36, с. 24, 25].

Вышеперечисленные формы общинных судов крестьяне называли общественными судами, т.е. с участием «мира», его избранных представителей или общественных должностных лиц. Бытовали разбирательства, носящие домашний характер, – суд соседей и семейный суд. В состав такого суда входили ближайшие соседи и кто-либо из «умных мужиков» деревни, приглашенных пострадавшей стороной. Иногда суд соседей перерастал в собрание общинников, тогда его возглавлял староста или урядник. На рассмотрение суда соседей выносили дела о потравах, ссорах, драках, обидах, перекосах сенокосных полей, об оскорблениях родителей, о притеснениях мужем жены и другие дела. Основная задача такого суда заключалась в «увещеваниях и доводах» и склонении ссорящихся к примирению. Права наказывать этот суд не имел.

Одной из первооснов традиционного правосудия были семейные суды, или суды родственников, рассматривавшие проступки членов семейства, совершенные как внутри семьи, так и на стороне. Исключительное право выносить решения принадлежало главе семейства. В случае необходимости он мог созвать совещательный орган – семейный совет, состоявший из мужчин – членов семьи. Случалось, что провинившийся оставался недоволен приговором семейного суда и апеллировал к общественным судам. Но последние, как правило, становились на сторону домохозяина и утверждали его решение.

Российские крестьяне не были склонны к сутяжничеству. Бесспорно, существовали «любители», обременявшие неоднократными жалобами губернские органы управления и отделы Министерства внутренних дел [37]. Однако склочников не жаловали, о них говорили: «Ему только судиться да рядиться, а дела некогда делать. Какой это человек, когда из суда не выходит» [9, с. 20]. Можно считать, что склонность к сутяжничеству была вызвана личностными пристрастиями и особенностями психологии. Страсть некоторых общинников к сутяжничеству подогревалась появлением писарей и подпольных адвокатов.

На заседаниях общинных судов царила неформальная обстановка. Тяжущиеся кричали, судьи вставляли замечания, присутствовавшие обличали ложные показания, давали свои комментарии к конфликту. Обычай разрешал каждому участнику свободно высказать мнение по поводу рассматриваемого дела. Однако решения судов непременно соответствовали основным правовым принципам: «глядя по человеку и по хозяйству», «исходя из известных обстоятельств» и главное – «по совести, чтоб никому обидно не было».

Главная задача крестьянского суда состояла в соблюдении общинной справедливости – уравнении прав и выгод обоих тяжущихся [38, с. 63, 64]. Решения чаще всего объявлялись в устной форме. В исключительных случаях приглашали волостного писаря или нанимали за небольшую плату грамотного крестьянина. Штатный писарь в сельском обществе встречался редко. Крестьяне объясняли это тем, что отсутствие писаря «вредных последствий на ход дела не оказывает», к тому же это исключало дополнительные издержки общества [39, с. 609, 611, 614, 615, 618, 621, 628]. Поэтому протоколов и письменных решений общинных судов сохранилось мало.

Статистика обращений в волостные суды не подтверждает мнений некоторых исследователей о том, что общинный суд не являлся «главным органом правопорядка в деревне» [40]. Например, в Тамбовской губернии только 1/10 часть дел разбиралась на волостном суде; в Харьковской – в 13 из 15 волостей предварительное разбирательство велось в общине; из 42 волостей Московской губернии только в 6 не было местных сельских расправ; в Екатеринославской губернии волостной суд никогда не собирался и лишь в некоторых волостях Ярославской, Костромской и Нижегородской губерний не существовало общинных судов [41]. Случалось даже, что на «мирских» разбирательствах пересматривались решения волостных судов.

Итак, традиционные суды являлись неотъемлемой частью российской правовой реальности. Вероятно, поэтому Особая комиссия по преобразованию местного самоуправления, возглавляемая статс-секретарем М.С. Кахановым, пришла к заключению «о необходимости придания законной силы сельским судам, выдержавшим проверку временем» [42]. Однако нельзя не согласиться и с

мнением знатока крестьянского права А. Леонтьева о том, что общинные суды и обычное право перестали полностью удовлетворять потребности крестьян в правосудии [43, с. 59]. В результате разрушения сословной замкнутости и появления новых социально-экономических отношений в традиционном крестьянском правосудии образовалась брешь. Крестьяне все чаще были недовольны решениями общинных судов, требуя возможности рассмотрения дела по закону.

Литература

1. Архив Российского музея этнографии (АРМЭ). Ф. 7. Оп. 1. Д. 1809. Л. 17; Д. 1445. Л. 19; Д. 940. Л. 1; Д. 85. Л. 14.

2. См., напр.: *Тенишев В.В*. Общие начала уголовного права в понимании русского крестьянства // Журнал министерства юстиции. 1909. № 7. С. 132, 133; АРМЭ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 654. Л. 3; Д. 983. Л. 6.

3. *Снегирев И*. Русские в своих пословицах. М., 1831. Кн. 3.

4. *Успенский Т.* Очерк юго-западной половины Шадринского уезда // Пермский сборник. М., 1859. Кн. 1.

5. АРМЭ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1709. Л. 13; Д. 653, Л. 10; Д. 1445. Л. 19.

6. *Буслаев Ф.И*. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. М., 1861. Т. 1.

7. АРМЭ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 242. Л. 4; Д. 1709. Л. 12; Д. 794. Л. 11; Д. 422. Л. 19.

8. Архив Русского географического общества (АРГО). Ф. 12. Оп. 1. д. 3. Л. 4.

9. *Тенишев В.В.* Правосудие в русском крестьянском быту. Брянск, 1907.

10. АРМЭ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 794. Л. 5; Д. 1125. Л. 30–32; Д. 1022. Л. 1; *Тенишев В.В*.

11. *Чернявский С.П*. Народный суд. Каменец-Подольск, 1901.

12. *Оршанский И.Г.* Исследования по русскому праву, обычному и брачному. СПб., 1879.

13. *Пахман С.В*. Обычное гражданское право в России: Юридические очерки. СПб., 1877. Т. 1.

14. *Березанский П.Е*. Обычное уголовное право крестьян Тамбовской губернии. Киев, 1880.

15. *Леонтьев А.А*. Крестьянское право. СПб., 1909.

16. *Преображенский Ф.А*. Вопросы крестьянского самоуправления. Сельские учреждения и должностные лица. М., 1893.

17. АРМЭ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 735. Л. 1; АРГО. Разряд 29. Д. 75. Л. 4.

18. Письмо *К.С. Аксакова* к кн. *В.А.Черкасскому* // Русь. 1883. № 3. С. 38; АРМЭ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1809. Л. 5.

19. Труды комиссии по преобразованию волостных судов. СПб., 1873. Т. 3. С.12; Т. 2. С. 387; *Чепурный К.Ф*. К вопросу о юридических обычаях: устройство и состояние волостной юстиции в Тамбовской губернии. Киев, 1874. С. 2.

20. АРГО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 6. Л. 30, 174, 176; Труды комиссии по преобразованию волостных судов. Т. 1. С. 296, 316, 389, 423, 450, 455, 540, 572, 612.

21. *Титов А*. Юридические обычаи села Никола-Перевоз Суложской волости Ростовского уезда Ярославской губернии. Ярославль, 1888.

22. АРМЭ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 242. Л. 38, 52; Д. 154, Л. 29, 30; Д. 831, Л. 21; *Ефименко П.С*. Сборник народных юридических обычаев Архангельской губернии. Архангельск, 1869. С. 229; *Чарушин А.А*. Крестьянские сходы в бытовом их освещении. Архангельск, 1911. С. 5, 6; Зарудный М.И. Законы и жизнь. Итоги исследования крестьянских судов. СПб., 1874. С. 90, 96.

23. *Птицын В.В.* Обычное судопроизводство крестьян Саратовской губернии. СПб., 1886.

24. АРМЭ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1709. Л. 15; Д. 1809. Л. 6; Д. 831, Л. 21.

25. Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости. Ст. 51, п. 4 // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 36. Отделение первое. № 36657.

26. *Беэр В.А*. Суд стариков и сельский сход // Вестник права. 1900. № 9.

27. Труды комиссии… Т. 2. С. 26, 28, 38, 43, 60, 65; Т. 3. С. 21, 25; Т. 4. С. 9; Т. 5. С. 21; Т. 6. С. 44, 348.

28. Замечания *К.С. Аксакова* по поводу освобождения крестьян и их административного устройства // Русь. 1883. № 4.

29. АРМЭ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1125, Л. 20; Якушкин Е.И. Обычное право: Материалы для библиографии обычного права. Ярославль, 1875. Вып. 1. С. XXVI.

30. Труды комиссии... Т. 1. С. 572, 726; Костров Н.А. Юридические обычаи крестьян старожилов Томской губернии. Томск, 1876. С. 108.

31. *Чепурный К.Ф*. Указ. соч.

32. *Пестржецкий А*. О суде крестьян, вышедших из крепостной зависимости // Журнал Министерства юстиции. 1861. Т. 9.

33. *Пономарев С.М*. Очерки народного быта. Обычное право//Северный вестник.1887. № 2.

34. Труды комиссии... Т. 1. С. 540; Т. 6. С. 426, 455, 461, 462, 465; Шраг И. Крестьянские суды Владимирской и Московской губернии // Юридический вестник. 1877. № 3–4. С. 39; *Птицын В.В*. Указ. соч.

35. *Малышев К.И.* Курс гражданского судопроизводства. СПб., 1880. Т. 3.

36. *Миненко Н.А*. Традиционные формы расследования и суда у русских крестьян // Советская этнография. 1980. № 5.

37. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1291, оп. 68, д. 117, л. 10 об; АРМЭ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 154. Л. 35.

38. *Скоробогатый П*. Очерки крестьянского суда. М., 1882.

39. Свод заключений губернских совещаний по вопросам, относящимся к пересмотру законодательства о крестьянах. СПб., 1897. Т. 1. С. 609, 611, 614, 615, 618, 621, 628.

40. *Березанский П.Е*. Обычное уголовное право крестьян Тамбовской губернии. Киев, 1880. С. 13; Калачов Н.В. О волостном и сельском суде в древней и новой России. СПб., 1880. С. 19.

41. РГИА. Ф. 1317. Оп. 1. Д. 97. Л. 2, 3; Тур К.И. Голос жизни о крестьянском неустройстве. (По поводу работ учрежденной при МВД Комиссии по пересмотру крестьянского законодательства). СПб., 1898. С. 73; Выводы из собранных на местах данных о волостных судах и соответствующих узаконениях. СПб., 1874. С. 6, 7.

42. РГИА. Ф. 1317. Оп. 1. Д. 103. Л. 17; Материалы по преобразованию местного управления в губерниях, доставленные губернскими земствами и присутствиями по крестьянским делам. С. 40–50.

43. *Леонтьев А.А*. Волостной суд и юридические обычаи крестьян. СПб., 1895.

УДК 340.15

Небратенко Г.Г.

ИНСТИТУТ СЕМЬИ В ОБЫЧНОМ ПРАВЕ ДОНСКИХ КАЗАКОВ (XVI – начало XX вв.)

Важная регулятивная роль обычая в традиционном обществе актуализирует исследование его юридической практики, например, в отношении института семьи донских казаков (XVI – начало XX вв.). До сих пор эта проблема была практически невыясненной, имея свою специфику, несвойственную для соответствующего института русского обычного права. Общественные отношения носили общинно-территориальный характер, при котором правовое продолжение получала принадлежность индивидов к общности казаков, редко связанных кровнородственными узами, проживающих на территории Войска Донского. Рассматриваемый институт обычного права в традиционном обществе донского казачества воплощался в трех основных формах: «групповая семья», «парная семья» и «патриархальная семья».

An important regulatory role of custom in traditional society analyzes the study of its legal practice, for example in relation of the Don Cossacks' Family Institute (XVI – the beginning of XX century). Until now, this problem with its specificity uncharacteristic for the corresponding Institute of Russian tacit law has been virtually unknown. Public relations were of communal-territorial nature, in which the Don Army residents' individual belongings to the Cossack's community, rarely linked by blood ties, obtained the legal continuation. The considered tacit law institute in the Don Cossacks traditional society was embodied in three main forms: «Group family,» «coupled (pair) family» and «patriarchal family».

Ключевые слова: *Обычное право, обычай, институт семьи, групповая семья, парная семья, патриархальная семья, традиционное общество.*

Keywords: *Tacit law, custom, Family Institute, group family, coupled (pair) family, patriarchal family, traditional society.*